

ПОФИГИНА КОФЕДЖИЙСКА

**ВСЕЧЕЛОВЕКИ
И НЕСКОЛЬКО
ДУРАК**

Пофигина Кофеджийска

Всечеловеки и несколько дурак

Издательско-Торговый Дом "СКИФИЯ"

2017

УДК 82-3
ББК 84-4

Кофеджийска П.

Всечеловеки и несколько дурак / П. Кофеджийска —
Издательско-Торговый Дом "СКИФИЯ", 2017

ISBN 978-5-4485-2660-2

Посвящается моей семье, Майку, Ашхабаду и Бургасу с благодарностью за веру в меня. Посвящается всем, кого я знала и кто никогда не повторится.
Пофигина Кофеджийска

УДК 82-3
ББК 84-4

ISBN 978-5-4485-2660-2

© Кофеджийска П., 2017
© Издательско-Торговый Дом
"СКИФИЯ", 2017

Содержание

Цикл первый	5
Стул и ремень	5
Субботний ингредиент	7
Обыкновенная история	9
Холодильник «Мраз». Забавная история	11
Старый чекист	12
Тара Мэй	13
Цикл второй. Всечеловеки и несколько дурак	14
Mike and я	14
Майк и Петр Сергеевич	16
Майк и Russian people	18
Бен	20
Цветанка	22
Мой болгарский папа	24
Даром преподаватель	25
Ирландская йога	27
Грузинские бриллианты	29
В парке	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Пофигина Кофеджийска

Всечеловеки и несколько дурак

Посвящается моей семье

Цикл первый

Всечеловеки необыкновенного дома

Стул и ремень

Давно хотела написать о стуле. Но, сегодня звезды расположились в правильном порядке и соединились отрезками их образующими в равнобедренный треугольник, так как случился ремень. Пожалуй, все по порядку.

В нашем подъезде стоит стул. Стул очень старый. Наверняка, он когда-то был другого цвета, но заботливый хозяин стула, не желая его отнести на помойку, покрасил его белой краской, и хотя стул даже под краской рассыхался и хотел уйти на заслуженный покой, собственник стула продолжая его любить, написал темно-фиолетовым маркером свою фамилию: Читаловски. Почему-то, свою фамилию владелец стула начал писать не с начала спинки, а будто задумался, писать или нетю, и немного отступив, решительными буквами начертил свою собственность. Букве «и» пришлось сжаться и стать похожей на кавычки. На стуле всегда лежит веточка. Хозяин стула Читаловски любит садиться или в подъезде, или перед домом на свой любимый старый стул и веточкой рисует одному ему видимые картины, низко опустив голову.

Читаловски Георги – мой сосед с тринадцатого этажа. Ему за шестьдесят. Он работал сварщиком в Сургуте, где встретил Нину, на которой женился. Много лет они работали вместе на стройке: он сварщиком, она крановщицей. Дети-погодки, девочка постарше и мальчик, родились в болгарском общежитии Сургута. Когда я переехала в этот дом, детей у Читаловски уже не было. Соседи сказали, что за один злосчастный год Нина и Георги потеряли обоих. Девушка погибла в автомобильной катастрофе, а парень, родившийся с пороком сердца, несмотря на все усилия родителей, не дожил до своего четырнадцатилетия. Георги и Нина похожи друг на друга. У них глаза огромной больной собаки. Раньше Нина и Георги сидели у дома на скамейке. Сейчас Нина почти не выходит из дома, болеет. Георги выходит один, садится на свой стул и рисует веточкой картины в воздухе

Когда я возвращаюсь с работы и захожу в подъезд, он вздрагивает, устало поднимается, кладет веточку на стул и говорит мне: «Пойду домой, Нина болеет». У меня нет сил что-то ему ответить, я просто желаю ему спокойной ночи и выхожу на своем этаже.

Теперь ремень. Ремень я купила в одном рокерском магазине, отдав крупную сумму денег. В ремень я влюбилась сразу и бесповоротно. Ремень – темно-коричневый из мягкой кожи с большущей серебрянной пряжкой, на которой написано «Doors».

Сегодня вызвали в школу с жалобами на неудовлетворительное поведение трудного подростка. Поведение подростка по словам учительницы в шелковой блузке с деревянными бусами выражается в прогулах, курении во дворе школы, отсутствии мотивации и многого другого. Пока шелковая блузка рассказывала о своем неудовлетворении, а деревянные бусы возмущенно колыхались в такт ее словам, я думала о том, что сейчас, придя домой, наконец-то использую свой рокерский ремень по его прямому назначению, потому как настало время пере-

ходить на крутые меры. Деда моего, Николая, прадед Егор ремнем лупцевал и ничего! Честным и порядочным человеком стал, души в своей семье не чаял. В ярости зашла в подъезд и увидела пустой белый стул с веточкой. Долго смотрела на стул и курила. Когда пришла домой, сказала трудному подростку: «Давай кофе выпьем, поговорим просто».

Я желаю всем, чтоб у вас всегда в доме был ремень и никогда не было такого белого стула с веточкой, которой рисуют картины.

Субботний ингредиент

Мне нравится суббота. Мне нравится неторопливо пить крепкий кофе на балконе, откуда открывается потрясающий вид, пусть даже если хлещет косой дождь и серые многоэтажки монстрами навесились над мокрым городом.

Существенный изъян субботы – вдруг обнаружить, что нет сигарет. «В жизни есть некоторые вещи, которые должны существовать вместе», как сказал О. Генри. Банница* и боза*, ракия* и шопский салат*, вино и луканка*, пиво и жареная килька, Черное море и Бургас, политики и педерасты, ну и, бесспорно, кофе и сигареты. Из-за отсутствия сигарет у меня случается внезапный приступ невозможности дальнейшего существования и обостряется застарелая ностальгия. Смотрю в окно и вижу внизу ларек с сигаретами. Как хочется в любимой пижаме с помятым Моррисоном стремительно проехать по гипотенузе с одиннадцатого этажа к ларьку за сигаретами! Но, приходится бежать по двум катетам, беззаботно накинув на Джима Моррисона косуху и обув раздолбанные кроссовки. Раннее дождливое утро позволяет быть беззаботной. Неотремонтированный дом спит после пятидневной безысходности. Внизу, в подъезде – мой сосед Марин и талисман нашего дома, ответственный по продовольствию, кот-сумоист. Марин глубокомысленно тянет кофе из пластикового стаканчика вприкуску с дешевой самокруткой. Талисман дома задумчиво уминает кефир с размякшим хлебом из коробки, в которой, судя по этикетке, было мороженое. Кот-сумоист сразу догадался, что у меня из продовольствия ничего и, презрительно ошетилив усы-проводами, продолжил свой задумчивый завтрак, но Марин не прочь поболтать.

Контев, осушив махом остатки кофе, предлагает мне подождать в подъезде в компании чавкающего кота-сумоиста, пока он сбегает в ларек за кофе и сигаретами в обмен на общение.

От Марина избавиться непросто, да и дождь хлещет...

Пьем кофе и курим. Кот-сумоист, осушив коробку с хлебным кефиром, тщательно вылизывается. Неспешная болтовня в субботу в рваных паузах оглушительного дождя

Сосед говорит, что его выгнали с работы. Контев обозвал способ сварки трубы, предложенный шефом, идиотским, а он, Контев, отличный сварщик много лет и без документов знает как правильно заваривать трубу. Шеф настаивал. Марин заковыристо высказался по поводу умственных способностей своего начальника и Контева послали далеко и, что хуже всего, без зарплаты.

Лениво закурили вторую. Вдруг, мой сосед выпучил глаза и весь эдак заполошился, что кот-сумоист перестал умываться и ошарашенно уставился на Контева. Но, я-то знаю Марина еще до того, как тшедушный заморыш стал уважаемым и высокомерным котом-сумоистом, наводящим ужас на облезлых кошек, бродячих собак и подвыпивших прохожих. Я равнодушно докуриваю сигарету. Контев говорит, что он, дескать, пистолет газовый надумал купить, жаль что денег нет, а то список неугодных людей у него давно есть и начальник-идиот с незаваренной трубой тоже в списке этом имеется. Между прочим, если мне надо кого включить в список этот, то всегда пожалуйста, он, Марин, может посодействовать. «Ладно», – отвечаю – «я подумаю кого».

Допиваем кофе и прощаемся.

В болгарской жизни есть некоторые вещи, которые должны существовать вместе: банница¹ и боза², ракия³ и шопский салат, вино и луканка⁴, пиво и жареная килька, Черное море и

¹ Банница – блюдо из слоеного теста. Для приготовления классической банницы используется болгарская брынза (болг. – сирене).

² Боза – традиционный болгарский напиток. Производится способом брожения пшеницы, кукурузы или проса.

Бургас, политики и педерасты, кофе и сигареты. Пожалуй, есть еще некоторые люди, которые должны существовать вместе: я и Марин Контев, например, в субботу. Ну и кот-сумоист. В доме таком живем, необыкновенном.

³ Ракия – крепкий алкогольный напиток.

⁴ Дуканка – колбаса из свинины.

Обыкновенная история

История эта обыкновенная началась поздним утром накануне Рождества. Сплошь и рядом писатели в начале таких обыкновенных историй в ненужных подробностях описывают погоду или ландшафт, но я – не писатель.

От ненужных подробностей у меня случается жуткая зевота и я стараюсь перепрыгнуть страницы, где рассказчик добросовестно посвящает читателя, что всходит яркое солнце, или падает пушистый снег, или идет проливной дождь, или еще какая-нибудь похожая канитель. Таких бедняг-рассказчиков мне становится искренне жаль, ведь чтобы досконально описать ландшафт или погоду, требуется перелопатить географию, биологию и черт знает еще сколько других полезных наук, чтобы держать в заточении читателя, прежде чем перейти к самой сути дела. Так вот, накануне Рождества поздним утром я бодро возвращалась домой из продуктового магазина и волокла два огромных пакета снеди к праздникам. Захожу в подъезд и вижу соседа моего с десятого этажа Марина Контева. Стеганный заношенный до лоска жилет с редкими пуговицами Марина распахнут поверх линялого спортивного костюма трудно определяемого цвета. На груди толстовки криво размазана зеленая надпись «ybibas». Самая яркая из всех, буква «у», энергично начинает загадочную надпись с правой подмышки, а самая бледная буква «б», у которой несправедливо украли почти всю краску ее бойкие подружки, мутно растворилась в левой. Дурацкие резиновые шлепанцы с вздернутыми носами обуты на черные шерстяные носки. Рядом с Марином под почтовыми, разохшимися от старости, ящиками примостился талисман нашего дома, кот-сумоист. Контев угрюмо пьет дешевый кофе из пластикового стаканчика и курит вонючую самокрутку. На полу вылизанная упаковка с кефиром и горстка раздавленных окурков. Судя по всему, Марин и кот-сумоист в подъезде давно. Контев, не здороваясь, кивнул мрачно на мои покупки: «К праздникам? Слушай, дай в долг сто левов, а? Отдам частями.»

Я и продукты возмущенно остановилась. От нашего возмущения проснулся кот-сумоист. Я поставила пакеты на протертый линолеум, достала из кармана куртки пачку сигарет. Сосед галантно зажег спичку. Я прикурила и говорю Марину: «Я тебе в прошлом году дала пятьдесят левов в долг, а ты мне семь месяцев возвращал, едрить твой сварочный аппарат! Я че тебе папа Карло и на мандалине здесь играю?! Сама пашу как сто китайцев, а еще ты со своей безработицей!»

Мой сосед – отличный сварщик, но поскольку у него нет хоть какого-нибудь документа, подтверждающего его умения, Контев, мыкаясь с одного места на другое, не может устроиться на постоянный заработок. Марину за пятьдесят. Он живет со своей второй женой и сыном подростком в муниципальной крохотной квартире. Контева знает весь наш восемнадцатизэтажный дом. За скромную плату он всегда готов кран починить, трубу заварить, замок вставить или люстру повесить. Жена Марина работает уборщицей в гостинице. С ней, по его словам, у Марина вечные скандалы из-за денег.

Контев редко бывает дома. Он или проводит время с котом-сумоистом в подъезде в надежде заработать мелким ремонтом у соседей, или сидит в старом опеле около дома, слушая заунывную музыку. Соседи знают где найти Марина, когда потек кран или засорилась канализационная труба и в случае крайней необходимости, готовы выслушать душераздирающие рассказы сварщика о его непростой семейной жизни и заплатить не только за ремонт, но и вручить Контеву сливовую ракию. Да..., – сказал Марин. – Работы нет. Тебе дома ничего починить не надо?

Вот тебе сто левов, – я раздавила сигарету в горстку окурков. – Когда вернешь? – В марте. Клянусь!

Контев быстро собрал горстку окурков в пустую упаковку от кефира, броском Джордана закинул все в мусорное ведро в дальнем углу подъезда, легонько постучал кота-сумо-иста по голове и, подхватив пакеты, благополучно доставил меня домой. Прошло несколько месяцев. Марин проводил время или в подъезде с котом-сумоистом, или сидел в опеле с заунывной музыкой. Весь тоскливый вид Контева говорил мне, что деньги сварщик вернет не скоро. В начале мая к чертям полетел домофон и во всем доме перестали работать звонки. Марин самоотверженно предложил домоуправляющей починить домофон, убеждая всех соседей, что разница в деньгах, если починит он, Контев, и если починит фирма «мошенников» – колоссальная, а он, Контев, не только отличный сварщик, но еще хорошо соображает в электричестве, поскольку друг у него электрик. Домоуправляющей пришлось согласиться. Весь май Марин скрупулезно разбирал какие-то ржавые железки в подъезде, лихорадочно курил вонючие самокрутки, переводил со словарем немецкую инструкцию, которую ему где-то раскопал его друг-электрик, бурно обсуждал с соседями, что производители домофона – идиоты и вытворял все то, что он обычно вытворяет, когда дело пахнет случайным заработком и сливовой ракией. Несмотря на самоотверженность Контева, домофон и звонки не работали. В конце концов, домоуправляющей то ли надоела вся эта самоотверженность Контева, то ли люди стали жаловаться, что звонки месяц не работают, но соседи отняли у Марина ржавые железки и отправили их почтой в Софию фирме «мошенников». Наш длинный этаж в семь квартир разделен металлической решеткой. Я догадываюсь кто заковал мою и еще три квартиры за решетку. Я, правда, у Марина о решетке никогда не спрашивала, мы купили квартиру с решеткой. Конечно, хорошо что у нас есть решетка. Мало ли кто звонит, звонки-то как раз за решеткой на стене: цыгане там танцующие, или свители Йеговы пришли. Откроешь дверь, а они за решеткой на расстоянии десяти метров, не сразу, стало быть, в квартиру пялятся. Но сейчас, когда звонки и домофон не работают, вообще никто не может к нам в дом попасть, потому как если кому вздумается в гости прийти, то, или нужно подойти к дому, позвонить по телефону и предупредить, чтобы встретили, или если, кто на этаже по счастливой случайности оказался, то нужно опять-таки позвонить по телефону, чтобы решетку открыли.

В прошлую субботу поздно вечером я с котом и книжкой на диване устроилась и вдруг слышу, будто зовет меня кто тихо и стук такой легкий, металлический. Я перепугалась, думаю: «немошь! Доработалась я и голоса, как у девы Орлеанской! Буду цветы в саду психушки покорно высаживать». В коридор метнулась. Вроде, как зовет кто и стучит. Решила посмотреть, есть ли кто в подъезде или, на самом деле, дева Орлеанская. Я быстро волосы заколкой подхватила, кожаную куртку надела и широко дверь открываю. Встречайте, значит, деву Орлеанскую! Смотрю, Контев за решеткой и говорит: «Я уже двадцать минут стучу. Позвонить не могу, у меня ваучер в телефоне закончился. Я тебе половину долга принес. Мы с другом моим, электриком, в соседнем доме проводку чиним. Вот аванс дали». Я чуть не плача от радости, что до цветов в психушке далеко, а и деньги вернули, говорю: «Спасибо тебе, хороший сварщик! Когда вторую часть долга отдашь?» Он: «Летом. Хочешь я тебе звонок твой личный поставлю за десять левов? Потом из долга вычтешь. Мне мой друг инструкцию дал.»

Согласилась я с Марином. Че до лета тянуть?

Такая вот обыкновенная история со мной приключилась. И не нужно смысл искать в истории этой обыкновенной.

Только... думаю, когда дождем отойду в мир иной, тихо напевая Моррисона, спросит ангел у Старца белобородого на меня глядя: «Куда ее?» – «А что всю жизнь делала-то?» – «В тетрадах вечно крапала и два раза в долг сварщику деньги дала.» – «В чистилище тогда. Тетрадей ей еще и бочонок чернил. Пусть у нас ландшафт описывает.»

Холодильник «Мраз». Забавная историйка

Историйку эту забавную мне рассказала Росица, парикмахер нашего дома, лет пять-шесть назад, когда я еще у нее стриглась.

Росица, приветливая и внушительной конструкции женщина за сорок, арендует крошечный закуток на первом этаже в нашем доме. Как Росице удастся поместиться в закуток вместе со своей конструкцией, парикмахерскими услугами и еще двумя-тремя ожидающими на откидном диванчике клиентами – загадка. Росица – человек веселый и трудяга, каких повидать. Мне она нравится. Потом Росица неожиданно и своеобразно подстригла мне челку, что я стала похожа на запорожца, что пишет письмо турецкому султану, носила бандану месяцами, обходила стороной Росицу, закуток и ее парикмахерское искусство. Мне все равно Росица нравится до сих пор. Некоторым людям лучше симпатизировать на расстоянии, обходя стороной. Так вот, у Марина, соседа моего, есть друг Петко с четырнадцатого этажа. Петко и его жена Стойка – пенсионеры, бывшие работники Нефтехима и у них по болгарским стандартам довольно приличные пенсии. Каждые выходные Петко и Стойка едут в деревню, что-то там сажают, пропалывают, закатывают лютеницу⁵ и варят ракию⁶. С понедельника до обеда пятницы Петко и Стойка ничем особым не занимаются, а ведут спокойный образ жизни почтенных болгарских пенсионеров. Стойка смотрит сериалы, а Петко угощает вечно-безработного Марина сливовой ракией собственного приготовления на скамейке перед входом в подъезд. Как обычно, одним теплым днем, Петко и Марин, распивая сливовую под сушеницу⁷ и нарезанные домашние помидоры на скамейке перед домом, увидели, как двое смуглых молодых людей выносят старый болгарский в местах проржавленный холодильник «Мраз»⁸ из нашего подъезда.

Распаренные сливовой ракией Петко и Марин подхватились помогать двум молодым смуглянам тащить старый холодильник по крутым ступеням. Тут Стойка идет, в магазин ходила и видит холодильник выносят. Да как заголосит: «Вы куда холодильник мой тащите?!» Смугляны бежать, сверкая смуглыми пятками в даль теплого дня. А Стойка своему мужу и говорит: «Ты что же, пьяница? Пока здесь наливаешься, у нас из подвала холодильник крадут?!» Вот такая историйка. Потом Петко и Стойка насовсем в деревню уехали, оставили квартиру дочери. Марин редко теперь на скамейке ракию распивает, кофе все больше в подъезде. Из пластикового стаканчика.⁸

⁵ Лютеница – традиционное болгарское блюдо.

⁶ Ракия – болгарский крепкий алкогольный напиток.

⁷ Сушеница – вид колбасы.

⁸ Мраз – мороз.

⁸ Мраз – мороз.

Старый чекист

В доме-монстре из бетона и стали, где я проживаю свои никчемные дни, построенном еще в то удивительное время, когда Тодор Живков, называемый болгарами «бай Тошо» целовался с Леонидом ибн Ильичом, на шестом этаже живет прелестный старичок, невысокий и сухонький.

Дедушка ходит в одной и той же изношенной на локтях и коленях одежде: светло-коричневые мешковатые, подпоясанные потертым ремнем брюки, голубая рубашка и грубой вязки бурая кофта с большущими деревянными пуговицами. Летом, когда очень жарко, дед ходит без кофты, а зимой поверх кофты он надевает черную стеганую куртку. Несмотря на весь его обтеханный вид, старичок бодро шагает в близкий магазин с авоськой или, насупившись, в сползающих с носа очках, читает газету на скамейке рядом с домом, или деловито роется у себя в почтовом ящике. Глядя на ветхую одежду моего соседа, его глубокие морщины на изможденном лице и блестящие лучики-живчики янтарных глаз, можно подумать, что дедушка вовсе и не дедушка, а оторванный из тетради пергаментный клочок пронумерованной бумаги, что нерадивый архивариус в спешке при переезде затерял на пыльной полке.

С дедом я познакомилась давно. Дело было в лифте, где старичок вмиг определив по моей скуластой физиономии откуда я здесь взялась, округлив до ошаления янтарные глаза и тыча куда-то высоко артритным пальцем в небо, надменно сказал, что учился он в высшей школе КГБ в Советском Союзе, потом проработал в «специальных службах» много лет, а сейчас заслуженный пенсионер. Когда я спросила в каком городе учился чекист, пергаментный старик, зыркнув на меня живчиками-лучами, гаркнул, что я чересчур любопытна и вообще не мое это дело подобные вопросы задавать. Растерявшись, что у тщедушной пигалицы может быть такой резкий голос, я нажала не на ту кнопку и приехала не на свой этаж.

Деда я часто вижу или в лифте, или что-то ворчливо бубнящим себе под нос у почтовых ящиков в подъезде. Старый чекист, встречая меня, неизменно спрашивает: «Что-то я Вас давно не видел. Вы, наверное, в Союзе были? Ну и как там обстановка?» или «Что-то я Вашего папу (Вашу маму, Вашу дочь) давно не видел, он (она), наверное, в Союзе был (а)? Ну и как там обстановка?» По началу я дедушке старалась втюхать, что сама я, дескать, из Туркмении и мама моя, а отец болгарин и в России мы не жили, но потом поняла, что у старичка давно склероз и наши разговоры едва ли станут содержательными. Сейчас я просто отвечаю: «Обстановка нормальная, но враги не дремлют!» Старый чекист с довольным видом давит кнопку своего шестого этажа пергаментным пальцем и, выходя из лифта, сурово говорит мне по-русски «До свидания!»

Тара Мэй

Года три-четыре назад на седьмом этаже нашего дома поселилась русская семейная пара.

Семья наезжает в Бургас временами на несколько месяцев. Она, дебелая женщина за шестьдесят с лишком лет, Татьяна. Обычно, у меня с Татьянами в первого взгляда все хорошо, но с этой Таней не сложилось. Таня узнала, что я русская и напала на меня в подъезде с банками вручную наваренных кремов и помятой рукописью своих произведений. Сказала, что сами они столичные, она писательница и в прозаических кругах ее называют Тара Мэй, муж ее Стасик младше на тридцать лет, а сын ее принял иудаизм. Все они: и она, и муж ее Стасик, и израилев сын выглядят молодо как раз благодаря наваренным кремам, что она мне подсовывала под нос. Кремы обескураживали покупателя не только космической ценой, но еще стойким запахом касторки и чеснока. От кремов я настоятельно отказалась. Но от помятой рукописи отбиться не удалось и я взяла почитать шедевр прозаика-косметолога. Тара Мэй попросила поузнавать требуется ли где в Бургасе заведующая производством. Каким производством она не сказала. Едва вырвалась из ее прозаических рук. Вечером взглянула на рукопись. Едва сдержалась, чтоб в нее не почистить кошачий туалет, но решила не злоупотреблять доверием прозаика. На следующий день пришлось идти к Таре на седьмой этаж отдавать рукопись. Была встречена батареей кремов и шампуней в подозрительно-большущих банках со знакомым запахом касторки и чеснока. Тара сказала, что структура моего лица подходит к ее технологиям и я, если пройду целый курс, что равен одной подозрительной банке, то буду молодежкой, как Таня, муж ее Стасик и израилев сын. Я сказала, что до зарплаты далеко и я горжусь своей зрелостью. Тара сразу стала презрительно-пренебрежительна к моему нищеводству. Пока Тара вздохнула ораторствовала о структуре кожи всех ее близких и дальних родственников, о таинственных способах приготовления наваренных кремов по загадочному рецепту ее прабабки и о том, что в Люберцы к ней приезжает за кремами вся Москва, хотя ей некогда всем кремы варить, поскольку она занята прозой, прозаик она по душе, а косметолог по прабабке, на диване лежал ее муж. «Посмотри на меня и моего Стасика», – гордо сказала Тара «Нам никогда не дашь наш возраст!» Стасик ростом с баскетболиста, распластавшись в белых махровых носках, угукнул что-то маловнятное. Израилева сына дома не было. Потом Марин меня ввел в курс дела и показал израилева сына – расхристанного ханурика с папироской в обрамлении редкой бородки. Скрывалась от них все лето. Если видела у дома, хватала телефон и делала озабоченное лицо.

Цикл второй. Всечеловеки и несколько дурак

Mike and я

С Майком и со своим будущим, теперь уже бывшим, мужем я познакомилась летом девяносто седьмого в Бургасе, когда меня занесло в одну английскую компанию, где неожиданно я была принята на работу.

Если мой будущий, теперь бывший, муж с первого взгляда мне понравился, то Майка я с первой секунды возненавидела и кроме как «злбный старикашка» более не называла. Майк работал региональным директором. Он курил дымоходом Benson and Hedges, устраивал ежечасные «митинги», где вздрючивал до одури персонал, орал матом по-английски и по-русски – навыки ненормативной русской лексики он приобрел благодаря не только длительным командировкам в Россию, но и успешному преподаванию со стороны бывшего мужа, швырял пепельницы в приступе гнева об стену, увольнял меня в обед, шипя «Don't be a stupid cow!» и утром снова принимал меня на работу. Но, в то же самое время, Майк вел переговоры с собственником компании, Саймоном, об увеличении процента продажи от сделки персоналу, платил каждую пятницу не только полагающуюся народу зарплату, а также премии за отлично проделанную работу, хотя продолжал орать как припадочный, если кто-то сделку «fucked up» и вообще «fucking shit», но в конце недели ярость его утихала. Мне позарез нужны были деньги и я терпела. Я свыклась с мыслью, что начальник у меня «fucking mad», о чем ему сообщила под воздействием опрокинутых пятидесяти граммов

скотча однажды вечером, когда все праздновали успех одной исключительной сделки. Майк сказал: «You are absolutely fucking right». Проработав таким динамичным образом все лето, нас – Майка, мужа и меня, собственник компании, Саймон, пригласил на работу в Якутск.

В октябре девяносто седьмого мы прилетели в Якутск. Температура воздуха была минус тридцать градусов. Первый месяц мне казалось, что я чем-то смертельно больна и я совершенно серьезно думала, что я откину лапы при таком морозе. Нас поселили в одну большую квартиру с общей кухней и ванной комнатой. Жили и работали мы в Якутске шесть месяцев. Через две недели после скольжения в своих дорожных туфлях по льду, Майк слетел с лестницы и сломал два ребра. Он решил, что ехать в Лондон не имеет смысла, потому как работники якутской скорой помощи объяснили ему, что загипсовать ребра нельзя, через две недели, дескать, заживет, а можно делать обезболивающие уколы. Я, по неизвестным до сих пор для меня причинам, сказала, что умею колоть и всю жизнь лечила всю свою семью уколами и вообще, можешь на меня рассчитывать, «у тебя все будет ок, Майк!» Пострадавший директор согласился. Потом, конечно, я стрельнув у Майка сигаретки Бенсона не только себе, но и якутским медбратьям, вышла с ними посмолить на лестничную площадку, где парни подробно рассказали мне как делать уколы. В общем, месяц я делала уколы своему начальнику три раза в день: утром дома, в обед на работе в офисе и вечером. Майк выжил и к моей несказанной радости, стал уже в Якутске вздрючивать персонал, швырять пепельницы, орать и заключать сделки.

В декабре, к своему ужасу, к радости будущего мужа и к «fucking emergency crapped up» Майка, я поняла что беременна. Меня даже не радовало, что муж мой сделал мне предложение, подарив якутский бриллиант, поскольку Саймон сказал, что если хотите, то платите неустойку по заключенному между нами договору и возвращайтесь в Болгарию, ну а так до марта поработаете и он увеличивает процент. Обсудив создавшееся мое интересное положение за бутылкой скотча и пачкой Бенсона – скотч мне не дали, хотя я настаивала, но разрешили подышать Бен-

соном, решили остаться до марта. Все это время Майк в обед ходил за фруктами и заставлял меня их есть, приговаривая «fucking good for you», устроил скандал Саймону, чтобы мне разрешили тоже пользоваться шофером и вообще, вел себя как ополоумевшая насадка. В марте девяносто восьмого мы вернулись в Бургас. Майк был на нашей свадьбе, где он наакался виски и танцевал под Джо Кокера, а потом на утро говорил моим родителям «lovely fucking wedding».

Потом был Лондон. Майк принял моего мужа, меня и дочь в своей крохотной квартирке на Seven Sisters. Он стал крестным отцом моей дочери. Когда мы вернулись в Болгарию, Майк приезжал к нам в два раза в год – на Рождество и летом, жил с нами и моя дочь стала называть его «granny Mike».

Несмотря на наши различия во взглядах, в возрасте, в менталитете, он стал для меня самым близким человеком и я считаю, что у меня никогда не будет такого друга, как Майк. В 2007 году Майк умер от рака легких в хосписе. Он ждал меня, но мне не дали визу, потому что в последний раз мое пребывание в Лондоне было нелегальным. Когда он узнал, что я не приеду и я ревела ошалело по телефону, он мне сказал: «Don't be stupid cow!»

Так вот, я знаю, Майк, что ты сидишь где-то наверху на облаке в своих дорогих туфлях со скочем и дымишь Бенсоном. Я обязательно сяду с тобой рядом и мы будем сверху смотреть на весь этот «fucking shit».

Майк и Петр Сергеевич

У Майка было правило. Правило называлось «nine o'clock» и по этому правилу мой английский друг пил спиртное строго после девяти часов вечера, даже если Новый год, даже если Рождество, гости, дни рождения, похороны и другие важные случившиеся с человеком хорошие или дурные обстоятельства.

И единственным решением подобного рода трудностей или радостей для некоторых людей иногда может быть, ну например, пятьдесят граммов скотча. У Майка было трое детей: мальчишки – Питер и Тони, и девочка Сильвия. Сильвия родилась с дефектом сердечной перегородки и умерла в возрасте двух с половиной лет. Майк не смог пережить смерть дочери, начал пить запоями, ругаться с женой, с которой впоследствии развелся, у него началась жесткая депрессия. В таком состоянии он жил несколько месяцев. Однажды рано утром Майк проснулся под перевернутой лодкой на пляже своего родного Брайтона и ни черта не помнил что он делал два дня и вообще как здесь оказался, кроме того, что пил в каком-то пабе Лондона с какими-то незнакомыми людьми, далеко от Брайтона.

Он перепугался и пообещал себе не пить или пить совсем мало, и потому придумал правило «nine o'clock». Майк считал, что после девяти много не выпьешь, а завтра на работу и таким вот образом он может контролировать свой алкоголизм. Об этом правиле девяти часов знали только близкие друзья Майка. Все другие думали, что эта какая-то английская придурь, но мирились и алкоголь до девяти вечера ему не предлагали. В Якутске я подшучивала над Майком и спрашивала: «А часовая разница между Лондоном и Якутском?», а Майк категорично отвечал: «No, absolutely fucking forbidden, nine o'clock!»

В Якутске я занималась договорами, корреспонденцией с собственниками компании, обеспечивала определенное количество гостей на ежевечерние презентации, работала с поставщиками, составляла различного рода документы. Я приходила на работу раньше всех. С Лешкой я договорилась, что ждать его не буду, а если выйдя из дома не увижу его машины, возьму такси, так что пусть не переживает. Я всегда прикрывала Алексея, безалаберного водителя, и никогда не жаловалась Майку, что Лешка опять ругается со своей девушкой, опоздал и не отвез меня на работу. Алексей за это очень меня любил и всегда говорил: «Ты только скажи, если какие проблемы в Якутске возникнут, то я всегда их решу!» Кроме моей неожиданной беременности в Якутске у меня проблем не было. Обычно на работу меня подвозила первая проезжающая машина, легковая или грузовая. Водители, ошарашенные моей не подходящей к якутской зиме одеждой, спрашивали: «Девушка, Вы что с юга??? Садитесь скорее, а то замерзните!» и подвозили меня чаще всего совершенно бесплатно на работу. Так вот, в один из таких рабочих дней Лешка как всегда ругался с девушкой и водитель камаза подвез меня на службу, за что ему «большое спасибо, хороший человек». Работа утром у меня особенно кипит, я люблю работать в одиночестве. И вдруг, смотрю входит мужичок в обношенной шубе, унты, шапка песцовая старенькая, как-то даже местами потертая. Мужчина невысокий, плотный с покоцанным дипломатом-чемоданчиком. Улыбается, представился, фамилию уже не вспомню, но имя и отчество запомнила – Петр Сергеевич. Мужчина снял шапку, голова местами, как и шапка «потертая» залысынами. Вид у Петра Сергеевича благожелательный и он говорит: «Доброе утро. Я к директору Вашему английскому. О фирме много слышал, хочу лично с директором увидеться». Я Петру Сергеевичу так, мол, и так директор наш на работу обычно к десяти подъезжает, и в этой связи чем я могу Вам помочь, уважаемый Петр Сергеевич. Мужчина отвечает, что он подождет, ему не к спеху, можно ли ему со мной посидеть и подождать. Петру Сергеевичу я сварила кофе, разложила сладости, сама чаем наливаюсь. Я, конечно, хотела сло-

пать малосольный огурец из банки, что держала в холодильнике. Будучи слегка беременной основной моей пищей являлись малосольные огурцы, но мне было неловко перед Петром

Сергеевичем. Сидим, значит, я работаю, иногда с ним словами перебрасываемся. Петр Сергеевич чемоданчик из рук не выпускает, даже кофе, смотрю, ему неудобно пить. Я ему предлагаю чемоданчик, дескать, поставит, а он «нет, нет, так нормально, что Вы, что Вы». Ну, ладно, думаю, хоть без шубы и шапки, пускай сидит как ему хочется.

Долго сидели. О погоде, Якутске, Болгарии беседовали, пока Майк не приехал, кому я Петра Сергеевича и сплывала. Через часа два я уж и думать забыла о своем раннем госте, поставщиками занималась и тут, смотрю, Майк из своего кабинета с Петром Сергеевичем ко мне. Майк говорит: «Оформляй Петра Сергеевича на семь недель летом с семьей отдыхать на Канары в апартаменте класса люкс. Он сразу наличкой в размере несколько тысяч долларов проплатил». До меня дошло, что в покоцанном чемоданчике у Петра Сергеевича доллары на отдых семьи были. А отдыхающий говорит: «Ко мне в гости прошу вас с Майком. Такое дело обмыть следует. По русскому обычаю»

Вечером, накупив конфет, фруктов и прихватив две бутылки скотча мы отправились к Петру Сергеевичу. Леттке я наказала, чтобы за мной через два часа приехал, потому как на работу рано вставать, а потом уже за Майком и Антоном, если они со мной не захотят вернуться.

Петр Сергеевич в составе своей семьи – жены Светланы, двух смешливых дочерей двенадцати-тринадцати лет и восточноевропейской овчарки Макса встречал нас радостно и с богато накрытым столом. Макс своим большущим видом предусматривал в гостях уважение и почтительность. Петр Сергеевич предупредил нас еще в коридоре, что Макса лучше не трогать, собака этого не любит, но нас она тоже не тронет, это ниже, мол, ее собачьего достоинства. Майку не успели этого перевести. Майк собак обожал, всегда хотел завести дома в Лондоне, но из-за постоянных командировок не мог этого сделать. Мой директор напал на Макса и стал терзать его за уши, нежно похлопывать по бокам, приговаривая: «Good boy, good boy!» Макс от неожиданности такого панибратского поведения незнакомца забыл, что он злая собака и лизнул Майка несколько раз в нос, на что удивленный Петр Сергеевич сказал, что он сразу понял – Майк, хотя и англичанин, человек, видно, хороший. Я часа два была в гостях у нашего нового клиента и его прекрасной, гостеприимной семьи. Потом за мной заехал с опозданием Алексей. Майк сказал, что он никуда не поедет, потому что он как раз в «nine o'clock» выпить должен с Петром Сергеевичем, кто уважительно согласился с правилом своего английского друга.

Антон тоже остался, а я уехала домой. Алексея я попросила вернуться к одиннадцати-двенадцати часам за гостями, потому что ночью в такой мороз машину не поймать. Лешка приехал ко мне в полпервого ночи и доложил, что все нормально. Антон и Петр Сергеевич сидят на кухне, уже пьют чай за разговорами о жизни, а Майк спит в обнимку с Максом на диване в гостиной. Их, Майка и Макса, Петр Сергеевич пледом укрыл. Еще Петр Сергеевич сказал, что сам своих гостей на работу отвезет.

Петру Сергеевичу и его семье на Канарах понравилось. А собаку Майк все же взял. Собаку назвали Autumn Perry. Она жила с тренером Сюзан и в собачьих бегах первые места занимала. Майк был очень уж азартным человеком.

Майк и Russian people

В декабре девяносто седьмого, распустив офис на рождественские каникулы, Майк улетел в Лондон. Я и Антон остались в Якутске. Мы решили оформить свадьбой наши незастывающиеся под моим пальто отношения.

Эта внезапность привела к строжайшей экономии. Начались самые муторные двухнедельные каникулы в моей жизни. Я ошетилилась баррикадой в арендуемой квартире, безапелляционно заявив будущему жениху, теперь бывшему мужу, что, дескать, поскольку ты из Магадана, то можешь, наслаждаясь «и морозом, и солнцем, и днем чудесным» прошвырнуться до продуктового магазина в бодрящей атмосфере якутской зимы. «К чему лукавство? В Магадане и пурга, и лыжи, и сопки. Романтика колымских лет! «Возле пивной мужик кружку поднес к губам и на руке возник с чайками Магадан... еду в Магадан», а у нас, у ашхабадских, ты пойми, совсем другие понятия о романтике. Ну например, вот – «горячее солнце, горячий песок, горячие губы, воды бы глоток. В горячей пустыне не видно следа. Скажи караванщик «Когда же вода?»... Да, это песня из другой Республики, но пустыня-то одна! Она, пустыня, огнедышащий предбанник ада с выжженными песчаными барханами пишет магической черной меткой на лбу рожденного «в Чистилище отбывший срок» и в общем, холодно сегодня, так что, ты сгоняй в магазин, пожалуйста, а я пока топориком попробую еще раз прорубить окно из Якутска в Европу и достать эти проклятые куриные окорочка».

Дело в том, что, когда с ревизией к нам в Якутск из благолепной Москвы приехал один из собственников компании, тщедушный еврейчик с черно-смольными волосенками, характерным грациозно-горбатым носом и обиженной на весь остальной мир верхней губой, Тони Коэн, то Майку пришла в его директорскую голову чудная мыслишка пригласить Тони Коэна к нам на ужин. Тони Коэна все называли непотребным прозвищем Тони Гран Кохонес из-за того, что Тони нещадно резал процент со сделок персоналу и считал, что его обворовывают все, кому не лень. Майк любил масштабность и потому купил два ящика куриных окорочков. Мы пожарили куриные окорочка для Тони Гран Кохонеса, а остальные так и оставили на маленьком открытом балкончике кухни. Уезжая в марте в Болгарию, мы предупредили хозяйку, что на балконе куриные окорочка и в июне, она, вероятно сможет открыть эту проклятую дверь замерзшего на веки вечные балкона! У Майка с Тони Гран Кохонесом отношения сразу не сложились.

Ему Майку претило, что такие характерные грациозно-горбатые носы вмешиваются в методы его работы по непонятной причине, если его, Майка, персонал больше всего приносит прибыль Кохонесу и лучше пусть Кохонес едет в благолепие Старого Арбата, чем неизвестно чем занимаясь, подрывает заслуженный его, Майка, авторитет. Больше ни Тони Гран Кохонеса, ни куриных окорочков мы не видели. Так вот, за эти тоскливые двухнедельные каникулы, когда температура околешнего градусника в тумане открытого балкона опустилась до минус пятидесяти семи градусов ниже нуля, я прочитала все автобиографические книжки каких-то английских футболистов, забытых Майком в его комнате и случайно обнаруженные в тумбочке у хозяйки квартиры глянцевого журналы для женщин, где подробно рассказывалось о том, как сделать праздничную прическу за несколько минут, как полюбить себя такую, какая ты есть, как вернуть бывшего парня за десять шагов, как не пересолить суп и как насолить подружке-злодейке. Пятого января мы должны были выйти на работу и пятого января Майк должен был прилететь из Лондона обратно в Якутск с пересадкой в Москве. Московские представители благополучно проводили Майка на самолет в Якутск. Однако, самолет в Якутск не прилетел из-за плотного тумана, а сел в Нерюнгри. Я этого не знала и послала водителя Алексея в аэропорт встретить Майка

Лешка, безалаберный малый, вечно опаздывающий на работу, доводил Майка своей беспутностью до иступленного негодования.

Если Майк ждал Лешку на холоде лишних пять минут, то сразу к чертям увольнял Лешку. Лешка горестно сидел у меня в кабинете, жаловался на свою безалаберность и свою девушку, из-за кого он опаздывал на работу, говорил, что такого заработка, как у Майка ему не найти. Лешка мне нравился. Я предлагала ему подождать, авось, Майк успокоится и опять возьмет Алексея на работу водителем. Так и случилось. Вечером, Майк довольный сделками и своими директорскими умениями, говорил «Леша, мой друг, сote op». У Майка вокабуляр русского был небольшой, но ему и окружающим хватало, чтобы понять чего хочет английский директор. «Привет, да, кофе, пока, внимание, нет, молчи, жопа, мой друг, пошел на хуй, спасибо» – вот и весь набор русского, что удалось осилить Майку за годы своих продолжительных командировок в Россию. В Якутске суровые мужики, мои коллеги, кого ни мороз, ни водка не берет научили Майка еще правильно говорить слово «пиздец», объяснив ему, что когда, например, Майк орет как помешанный на них, если они сделку «fucked up» и грозиться уволить, то тогда всей их карьере наступает «пиздец». Майку новое слово понравилось, поскольку слово было коротким и запоминающимся.

Так вот, поздно вечером самолет с Майком сел в Нерюнгри. Майк понял, что он не в Якутске и кое-как объяснившись со стюардессой, понуро поплелся в зал ожидания аэропорта. Майк был деятельным человеком и, рассудив, что он сам кузнец своего счастья, побежал к стоянке такси. Майк сел в первую машину и сказал таксисту: «Привет! Якутск, please!» Таксист понял, что импозантный мужчина иностранной наружности хочет в Якутск, но так как таксист плохо знал по-английски, он сказал Майку: «No, по! Ты че, мужик? До Якутска два дня!» Майк подумал, что таксист не хочет ехать в Якутск и стал показывать таксисту не только крупные купюры рублей, но и английские паунды. У таксиста от вида денег случилась мешанина всех изучаемых ранее иностранных языков и он понял, что одному ему с Майком не справиться. Таксист вышел из машины и поманил Майка в сторону здания аэропорта. «Мистер, сote bitte!», – вежливо сказал таксист Майку. Майк ненавидел немцев и всегда говорил «The best German is the dead German», вспоминая бомбежки Лондона и свою маму. Майк знал, что русские тоже не любят немцев, как раз из-за того же, что и Майк, но все же потащился за таксистом, не понимая какого ляха он возвращается в аэропорт.

В задании аэропорта все уставшие пассажиры злополучного якутского самолета уже спали. Всё было закрыто, но таксист стал яростно стучаться во все двери. Командир экипажа опоздавшего рейса вышел из комнаты отдыха, поскольку около таксиста и Майка собрались люди, кто пытались ему громко втолковать, что все это, конечно, безобразно и ужасно, но что поделать, приходится терпеть. Таксист рассказал летчику, что иностранец нарезает круги около здания с огромными деньгами совсем один и необходимо что-то срочно предпринять, кабы чего не вышло. Мужик, вроде, хороший и серьезный, надо помочь! Командир подошел к Майку и спросил у него «Вы, VIP?» Майк обрадовался, что с ним разговаривает летчик его самолета и убедительно стал махать головой, уверяя летчика, что он – VIP и директор туристической компании в Якутске, он не может ждать когда рассеется туман и сидеть здесь до одурения. Командир экипажа поверил Майку и пригласил его в свою комнату отдыха.

Я узнала от Лешки, что самолет задерживается в Нерюнгри на неизвестное время. Утром в офисе позвонил телефон и мужской голос, поздоровавшись, спросил меня: «Вы секретарь мистера Шеппарда?» Я ответила, что да, хотя секретарем Майка никогда не была. Мужчина представился и сказал, что он – командир экипажа рейса Москва-Якутск. Девочки варят Майку кофе, а наш директор в целости и сохранности сидит с парнями, смотрит телевизор и курит Benson. Через часа два они планируют лететь, так что все в порядке. Потом схватил трубку Майк и проорал: «Olga, Russians are absolutely fucking lovely people!»

Бен

Забавна память человеческая. Готовишь обед или белье гладишь в воскресенье. Воскресенье – хороший день закончить важные и не очень дела.

Ваккумное, свободное от излишнего, пространство, нескованное суматошностью субботы и все еще незаполненное громадьем рабочих планов на следующую за ним пятидневку. После всех важных и не очень воскресных дел хочется в сером одиночестве лежать на диване с книгами, читать, думать обо всем и ни о чем. Частые капли дождя и свернувшийся лениво кот располагают. Случайно вспомнила одну давнюю историю. Скорее даже не историю, а встречу. Встреча короткая, но из тех самых встреч, когда помнишь о ней долго и возможно, вы, как разнополюсные анод и катод, столкнувшись в наэлектризованном поле, умчитесь в ваши, не связанные друг с другом Галактики, когда случай или жизнь закончит свой короткий эксперимент над вашим взаимодействием, но, наверняка, будете вспоминать друг о друге, о разговорах в натопленном и накуренном баре, пахнущим крепким табаком и разлитым вкисшим пивом под несуразную стрекотень радио. Зимой 1994 или 1995 года, точный год не вспомню, познакомилась я с одним американцем из Сиера Висты, штат Аризона. Американца звали Бен Андерсон. Познакомил меня с Беном один мой старый знакомец через других своих знакомых друзей. Бен приехал в Бургас по приглашению каких-то людей заключить контракт на совместное американо-болгарское предприятие телекоммуникационных услуг.

Чем-то Бену не понравились условия договора и он завис на некоторое время в Бургасе, гуляя по сырому городу и в общем-то, ничем особым не занимаясь – сидел в местных кафешках, потягивая крепкий кофе в окружении плохо говорящей по-английски, но тем не менее довольно любопытной публики. Самому Бену тогда было уже где-то за шестьдесят. Бен отличался высоким ростом и статной фигурой, широкоплечий и длинноногий в куртке и свободного кроя брюках цвета хаки, заслуживал всем своим видом уважения и внимания оказавшихся с ним в одном помещении или на улице, людей. Глядя на Бена, его неспешность и в то же время примеренную точность движений, сразу становилось ясно, что Бен – военный на пенсии. Так вот, Бен шлялся по городу со своими знакомцами и проводил таким бесполезным образом оставшееся до своего возвращения в Аризону время. Я работала как раз в центре города и у меня были стеллажи с очками, где я эти самые очки и продавала. Бен прибился к моим стеллажам вместе с моим знакомцем и с радостью обнаружил, что я прилично тарахчу по-английски, благодаря издержкам романо-германской филологии ашхабадского университета, который я с облегчением бросила, ударившись в торговлю в надежде заработать на квартиру в Бургасе. В Ашхабад я тогда моталась уже не часто, за спиной у меня был бесценный опыт работы на цыганских базарах, «стальная» задница и совершенно похеристичное отношение к происходящему. Бену неожиданно у стеллажей, где я безуспешно двадцать минут пыталась продать очки каким-то замызганным ханыгам, пришла в его крупную с проседью башку отличная «американская идея» поехать в Пловдив и оттуда кататься на лыжах в Пампорово.

Мне было абсолютно по барабану на все американские отличные идеи Бена, как впрочем и на моего знаконца, который тут же идею Бена поддержал и сказал, что у него полно друзей в деревне Стойките около лыжного курорта Пампорово и они, друзья, его могут там принять за скромную по американским стандартам сумму денег. Бен сказал, что времени у него до Аризоны еще ровно две недели и ему надоело висеть в сомнительного вида барах и моционить по главной улице и он бы с радостью поехал в Пловдив и в Стойките. Но, ему нужен переводчик. Знакомец мой тут же предложил меня, так как я, человек, не обремененный работодателем и вообще ничем не обремененный, так что у Бена все оки-доки. Бен с американской практичностью назвал сумму моих переводческих, давно позабытых, услуг, что я выгнала замызганных

хануриков и мы, втроем, затащив товар и стеллажи на склад, поперлись в близкое кофе, чтобы обсудить маршрут болгаро-русско-американского путешествия.

В общем, Бен мне стал хорошим другом. Мы с ним шатались по Пловдиву, глаза на замшелые достопримечательности, шлялись по барам, где он, опрокинув двести граммов водки рассказывал мне о Вьетнаме и о своей семье, ездили в Пампорово, где Бен елозил по горам на лыжах, пока я пила капучино под морозным солнцем. Бен мне стал чудесным другом и я уже совсем не хотела брать с него деньги за свои никчемные услуги.

В один такой зимний вечер, после водки, Бен рассказал, что американские солдаты кричали вьетнамцам: «стой!», а они, вьетнамцы должны были остановиться для проверки документов и если вьетнамец не останавливался, то солдат должен был стрелять на поражение. В общем, один такой вьетнамец не остановился, а Бен выстрелил и убил вьетнамца. Потом уже в деревне ему, Бену, сказали, что тот вьетнамец глухим был. Такую вот историю мне Бен рассказал. А еще, он всегда с горечью говорил о том, что пока солдат мясом отправляли во Вьетнам, их ровесники курили марихуану и танцевали на вечеринках. Хороший он был, Бен.

Потом Бен уехал в Аризону, а я через некоторое время в Ашхабад. Потеряла я координаты Бена и больше его не видела. Через несколько лет встретила знакомого моего старого, что с Беном меня познакомил. Сказал он, что Бен умер.

Различнополюсные анод и катод, столкнувшись в наэлектризованном поле, умчались в не связанные друг с другом Галактики, когда случай или жизнь закончила свой короткий эксперимент над их взаимодействием. Анод и катод. Бен и я или Бен и глухой вьетнамец. Кто знает.

Цветанка

Однажды в конце прошлого века мы держали Интернет-кафе. У нас тогда вообще была масса дебильных затей. Нам казалось, что такой бизнес выведет нашу ячейку общества на другой виток семейного благополучия.

Мы открыли фирму под восторженно-чудным названием «Тройка», взяли в аренду темное помещенище в центре города, напичкали его компьютерами, поставили холодильник с безалкогольными напитками, буфет с чипсами, орешками и прочими вредностями, кофемашинку и понеслись зарабатывать деньги. «Какой русский не любит быстрой езды?»

С Интернетом сразу случилась неприятность. Он тогда был жутко медленным и страшно дорогим. Но, у нас было много компьютерных игр и потому к нам в помещенище резаться в СтарКрафт приходила вся подростковая шпана района и сбежавшие с уроков гимназисты. Чтобы задержать в помещенище клиента, я научилась «добывать ресурсы и участвовать в многочисленных сражениях между расами», быть то Терраном, то Зергом, то Протоссом.

Сбежавшие с уроков гимназисты и районная шпана меня за это уважали, но денег все равно не хватало, поскольку клиенты в пылу сражений ломали мышки и клавиатуры. Технику приходилось постоянно чинить, жесткие диски периодически обновлять, что-то улучшать и в общем-то, висеть в помещенище с утра до ночи. Разумеется, у всех этих клиентов дома были свои игры и свои собственные компьютеры, но в нашем Интернет-кафе у них была задушевная обстановка и громогласная тусовка, и кто никогда не играл в сети СтарКрафта, смело могут утверждать, что такой человек вообще ни черта в этой жизни не добился, потому как игра эта не на один вечер, а на всю эту чертову жизнь!

Но, дело не в этом. Дело было в том, что мне пришлось взять няню для Настаси хотя бы на полдня. После долгой трескотни в агентстве по подбору персонала, где я разговаривала с кандидатами, кто желал проявить себя на педагогическом поприще, я выбрала одну Цветанку, приятную одинокую женщину 55 лет и как-то сразу к себе располагающую веселую пышку. Цветанка очень подошла моей Настюхе и пока они с задором переворачивали весь дом, без усталости играли в детский сад и продуктовый магазин, гоготали над прочитанными сказками, копались вдвоем в песке и с визгом катались на качелях на детской площадке, я прозябала в нашем Интернет-кафе и злилась на весь этот треклятый счетоводный баланс, отчетливо понимая, что таким бизнесом не получится вывести нашу ячейку общества на другой виток семейного благополучия. Но, по крайней мере я была спокойна за Настасю. Настася была счастлива и Цветанка в ней души не чаяла. Я мало верю во все эти закоренелотрадиционные и альтернативно-новейшие методики педагогической практики со всеми этими подробными способами воспитания. У меня у самой в такой большущей и пестрой коробке из под сапог, где хранятся почетные грамоты и значки всей семьи, медали и ордена деда и бабочки, дипломы и сертификаты, валяется солидная лицензия педагогической правоспособности.

А еще у меня немалый опыт преподавания в одном знаменитом на весь город техникуме, где учились «детки», из-за кого в городе ситуация с криминогенной обстановкой мало улучшалась. Чтобы преподавать и воспитывать нужно не только отлично знать предмет, что преподаешь, но и еще быть уравновешанным человеком и самое главное – любить людей, а не только себя в этаким строгим костюме у доски.

В общем, я была довольна Цветанкой. Но, у Цветанки было два неприятных недостатка, с чем мне приходилось мириться. Одна неприятность заключалась в том, что Цветанка, разведенная пышка с двумя взрослыми сыновьями, желала познакомиться, как она говорила «с достолепным, порядочным и одиноким господином для серьезных отношений», а поскольку Цветанка часто до вечера засиживалась у нас в доме с Настенькой, то в объявлениях о знаком-

стве в местную газетенку она давала наш домашний телефон. Я была совсем не против, чтобы Цветанка нашла счастье в личной жизни в лице такого «достолепного, порядочного и одинокого господина», но мне приходилось оправдываться перед родителями, у кого мы в то время жили и вечерами, если Цветанки рядом не было, первой хватать вечно трелькающий телефон.

Второй недостаток у Цветанки был хуже первого. Она страшно любила готовить на всю нашу семью и у нее получались огромные кастрюли неведь чего, непонятной консистенции подозрительного цвета и едкого запаха. Настюхе я готовила сама. Уж как я не умоляла слезно Цветанку прекратить портить продукты, но няня была непреклонна, считала своей величайшей обязанностью помогать нашей семье чем может и ее стряпню с трудом проглатывал наш унитаз. Я сама-то человек в еде неприхотливый и меня нельзя назвать чревоугодником. Мне главное, чтобы еда была хорошо термически обработана и чем проще, тем лучше. Я, конечно, могу запечь мясо, курицу или ту же рыбу, но возиться на кухне с каким-то изысканным шедевром не буду и в общем-то, не подпускаю себя к кухне. Я только терпеть ненавижу вареное тесто, а так, когда меня спрашивают какую еду люблю, то я всегда отвечаю, что чужую, поскольку уважаю людей, кто потратил время на приготовление какой-нибудь вкуснотени. С макаронными изделиями у меня с детства отношения не складывались. Редко я могу есть из теста пельмени, но только домашнего приготовления. Никогда не забыть мне как в мерзлом Якутске я, Антон и Майк покупали поздним вечером замороженные пельмени в круглосуточном магазинчике «Бородино» и варили их, потому как работали до умопомрачения без выходных. Якутские магазинные пельмени нужно было есть махом за пару минут. Если не махом, то они превращались в клейкий ком серого цвета. Все остальное я могу есть, особенно когда уставшая, злая и голодная.

Но у Цветанки то, что она готовила нельзя даже было назвать пищей, это была какая-то кухонная непристойность. Это было нечто, от чего засаривалась сантехника, а если эту непристойность вечером выносили в мусорный бак, то бездомные коты и собаки с ужасом бежали, чихая и кашляя, во все стороны.

Цветанка проработала в нашей семье где-то полтора года, после чего мы закрыли наше Интернет-кафе, распродали технику и уехали в Лондон.

Мой болгарский папа

Моя болгарская бабушка Бойка дважды была замужем. Что случилось с ее первым мужем она не говорила.

От первого брака у бабушки был мой отец, а от второго Атанас или Наско. Второй муж бабушки, Стойчо, моего отца, ненавидел какой-то животной злобой. Он вообще мало кого любил. Любил он только двух дочерей от своего первого брака. Своего собственного сына, Атанаса, он не замечал. Когда в очередной раз Стойчо поднял руку на бабушку Бойку, мой отец, кому тогда было пятнадцать лет, вступился за маму. Случилась безобразная драка и Стойчо выгнал отца на улицу. Бабушка Бойка не защитила моего отца, а согласилась с решением своего мужа. Мой пятнадцатилетний отец ночевал на пляже несколько дней до тех пор, пока незнакомый человек не предложил ему работу спасателя. Ивана мой отец до сих пор вспоминает добрыми словами. Иван спросил моего отца может ли он плавать, на что мой отец ответил, что да, может и какой мальчишка, живущий у моря, не может. Иван предложил работу спасателя отцу и сказал, что спасателям предоставляется общежитие. Отец проработал спасателем около четырех лет, а потом он заключил контракт с одной компанией, специализирующейся в строительстве на территории Советского Союза и уехал. Там он встретил мою маму. Стойчо я видела всего один раз. Он и бабушка Бойка жили в затхлом, прогнившем насквозь доме в центре Бургаса. Дом разрушался, стены и потолки проела плесень. Стойчо не желал чинить дом и не позволял Атанасу даже думать о ремонте. Чичо⁹ Наско убежал из дома, как и мой отец, когда ему исполнилось восемнадцать, женился на женщине турецких кровей, заводной и смуглой Тонке, жил с ней и ее родителями в Былгорово, недалеко от Бургаса. Когда наша семья приезжала в Болгарию, мы останавливались у них. Чичо Наско и семья его жены очень хорошо относились к нам, всегда были нам рады и тоже приезжали в гости в Ашхабад. В тот единственный раз, когда я увидела Стойчо, это был протухший, мерзопакостный старик в старой облезлой женской кофте. Бабушка Бойка приготовила обед, а Стойчо считал вилкой фаршированные яйцом и брынзой перцы в салатнице и следил за тем, кто сколько положил себе на тарелку. Он с неприязнью смотрел на меня и мою маму, отца Стойчо продолжал ненавидеть.

Нам не лез кусок в горло, хотя бабушка Бойка со своей тарелки подкладывала нам перец. Стойчо ел жадно, шамкая своими противными губами и я, злой и мрачный подросток, сидела и представляла себе, что раздавлю Стойчо, как помойную крысу, мне почему-то казалось, что у Стойчо нет крови, а какая-то зловонная жижа, такая же тухлая, как и его душонка. Я больше не ходила к ним в гости, уперлась своим черным ирокезом и сказала отцу, что я убью Стойчо. Бабушку Бойку я видела часто, когда чичо Наско привозил ее в дом своей жены. Там бабушка Бойка оживала, смеялась и ее глаза снова становились синими. Мой отец и чичо Наско помогали бабушке Бойке деньгами, но деньги куда-то испарялись. Все подозревали, что Стойчо отнимает их у бабушки.

Когда Стойчо умер, его дочери не пришли на похороны. Хоронила Стойчо наша семья, чичо Наско и семья Тонки. Чичо Наско закрыл обваливающийся дом и отдал ключи дочерям Стойчо. Завещание дома Стойчо оформил на них. Мы этого не видели.

Бабушки и чичо Наско давно уже нет. Мне хочется верить, что где-то высоко, в другом мире, они живут в светлом и большом доме, наполненным воздухом и счастливы.

Своего болгарского отца я считаю исключительным человеком и очень его люблю.

⁹ Чичо – дядя, с болгарского.

Даром преподаватель

В начале века мне пришлось где-то года три проработать учителем русского и английского в техникуме по деревообработке в Бургасе. Мне нужна была хоть какая-нибудь работенка, а в тот техникум меня взяли махом, поскольку в техникуме учителя не задерживались.

Там учились только парни и у этого самого техникума была преотвратительнейшая репутация. Крепкое двухэтажное здание техникума, покрашенное в бледно-желтоватый цвет, вкопанное памятником осиротелому болгарскому образованию, располагалось в криминальном районе города среди крохотных частных домишек, мрачной бургасской тюрьмы с высоченным забором и разбитного цыганского поселка. В техникуме грызли гранит науки юноши из неблагополучных семей, представители национальных меньшинств – турки и ромы, а также все того, кого повыгоняли из других школ города за неуспеваемость и безобразное поведение. В техникуме ученикам предлагалось общежитие и в этом самом общежитии учителя должны были вечерами дежурить по графику директора. Директора, прекрасного человека и отличного преподавателя, последователя макаренской системы обучения, боялись даже самые отпетые хулиганы нашей школы из-за того, что директор, не церемонясь, мог отвесить такую оплеуху своим воспитанникам, что мама не горюй. Ведь вся эта туфта о том, что трудным подросткам никак нельзя отвечать оплеухи, втуляется именно теми, кто никогда не входил в класс, где сидят хулиганье и бандиты, кто волком смотрит на тебя и ждет когда же ты дашь слабинку и побежишь в слезах в учительскую, глотая успокоительное, подавать прошение об увольнении по собственному желанию.

В общем, за время своего учительствования я серьезно думала, что сбрендю и буду тихонько высаживать цветы в садочке городской психиатрической лечебницы. Деваться мне было некуда, потому что с работой в городе был в то время кошмар, а в техникуме был небольшой, но стабильный заработок и я каждое утро соскребала себя с кровати, надевала строгий брючный костюм, об острые манжеты которого мог порезаться случайный наблюдатель и шла в бой, ну то есть волочилась в техникум преподавать. Строгий брючный костюм, о манжеты которого мог порезаться случайный наблюдатель, я оставила почти сразу и носила на работу джинсы, рубашку свободного кроя в клетку и грубые ботинки военного фасона. Директору, как и мне, тоже некуда было деваться, поскольку в техникуме этом была страшная текучка кадров, потому мой боевой внешний вид мне сходил с рук. Когда я впервые увидела своих учеников я сразу вспомнила об ашхабадской Хитровке, где самые большие ценности – непреклонный характер, авторитет и смелость – были разменной монетой. Характер у меня был всегда. С таким характером я, конечно, могла бы быть и по красивее, но что поделать. Смелость? После ашхабадского переезда меня навряд ли что могло бы напугать. Авторитет? Авторитет нужно было заслужить. Я должна была стать вожаком стаи и не имела права на промах. Но, какие к чертям собачьим склонения и спряжения русского и продолжительное настоящее время английского, когда половина класса плохо говорит по-болгарски?! У шпаны не было денег на учебники и нам пришлось собирать по копейкам, чтобы купить эти треклятые учебники хотя бы по одному учебнику на парту.

На моих уроках с дисциплиной проблем не было. Как впрочем, и с английским. Я объяснила ученикам, что с их специальностью в той же Великобритании они могут заработать неплохие деньги. Оболтусы стали азартно учить английский, а посещаемость стала стопроцентной. Но, с русским ни черта не получалось. Все приходили на мои уроки, вероятно, больше из уважения ко мне, тихо сидели, смотрели в окно, спали, медитировали, рисовали, списывали друг у друга и в общем, существовали отдельно от меня и моего урока. Я поняла, что нужно срочно что-то предпринять и чему-то их научить.

Однажды я взбесилась от такого чудовищного игнорирования великого могучего и говорю одному из обалдуев: «Вот ты (имя), давай вставай! Представь, ты приехал в Новосибирск». Почему я выбрала Новосибирск до сих пор не знаю, я никогда там не была. «Температура воздуха минус тридцать градусов. У тебя огромный тяжелый чемодан и ты нашел с грехом пополам гостиницу. Я – администратор и не говорю по-болгарски. Давай, заказывай номер, а то от холода и голода помрешь!» То, что все обалдели, включая «незадачливого туриста» – не сказать ничего. Но «турист» с тяжелым чемоданом, быстренько оправился от шока и мне говорит: «Здравствуйте, девушка! Do you speak English?» И знаете, заказал, чертяка, номер, на двух языках одновременно. Оболтусам это все так понравилось, что мне приходилось постоянно что-то придумывать. То я их на дискотеку закину, то в ресторан, то на мебельную фабрику, то в магазин какой. Об учебнике пришлось забыть.

И еще помню один знаменательный случай. Был у меня ученик. Турок, по имени Мехмед. Парню было очень трудно. Он плохо говорил по-болгарски. У него умерла мать, а отец был алкоголиком. Жил Мехмед в общежитии. Парнишка стал пропускать уроки и я никак не могла его поймать чтобы как-то хоть трояк завертеть. В общем, в конце учебного года он должен был явиться на экзамен по английскому и по многим другим предметам. Пришел, значит, сел и я ему говорю: «Послушай меня очень внимательно, Мехмед. Вот тебе две темы. Ты пиши, а я пойду вниз во двор пить кофе. Там буду пить кофе полчаса. Ты не беспокойся, сюда никто не зайдет. А ты спокойно пиши. Ты все понял?» Мехмед понял и говорит: «Добре, госпожо» (Хорошо, значит, а «госпожо» – такое обращение к учительнице по-болгарски.) Написал Мехмед все что нужно. Поставила я ему трояк, перекрестила и пожелала ему всего хорошего.

Я уже давно в этом техникуме не работаю, а если иду по главной улице Бургаса, то вечно какие-то здоровенные мужики радостно мне кричат: «О, здравствуйте, госпожо!»

Ирландская йога

Когда я была учительницей в одном техникуме, я получала такую мизернейшую зарплатишку, что вынуждена была подрабатывать где не попадя, чтобы как-то шалко-валко закрепить свой вечно дырявый бюджет.

Вторая работенка в начале нулевых годов находилась запросто, поскольку подработка обычно была нелегальной – без договора, налогов и социальной страховки. Все шло по принципу «вечером деньги – утром стулья», а если денег нет, то на то и суда нет – скудное барахлишко в котомку и волка ноги кормят. За три года пошатало меня немало. Я подрабатывала представителем в небольшой болгаро-румынской фирме, что была подрядчиком у японцев, занимающихся установкой ветряных генераторов в разухабистых деревеньках у Сливена. Я была на подхвате у косоглазого профессора, кто строчил еженедельные доклады о показателях морской воды, когда те же самые японцы строили пирс в бургасском порту. Я переводила материалы судебных разбирательств для солидных землевладельцев, что судились с другими солидными землевладельцами. Причем, переводчиком я была и со стороны истцов, и со стороны ответчиков. А еще я работала брокером в агентстве покупки-продажи недвижимого имущества, где владельцы-управляющие, семейная пара, выясняли отношения на всю улицу вплоть до мордобития во время короткого обеденного перерыва. С такой безумной динамикой я попросила директора гимназии сбить мне график до трех дней, чтобы я покрывала полностью норматив часов и успевала подрабатывать. Директор согласился.

В то время учителями вообще никто не хотел работать. Особенно в таком техникуме, где работала я. В таком безжалостном режиме я зверски убивалась. Я приходила домой уставшим злым дьяволом и постоянно чувствовала себя водолазом, у кого вот-вот закончится кислород и он так и останется на дне без сил всплыть на поверхность. Но, я приобрела бесценный опыт и увидела такое богатство характеров, персонажей и судеб, что все прочитанное в книжках казалось мне скверным цирком на колесах, где бедный клоун в антракте продает дешевенькие леденцы местным ребятишкам из небогатых окраин и на вырученное покупает нитки и иголки, чтобы починить свой затеханный цирковый костюм. Я научилась чувствовать людей нутром с первой встречи и первого взгляда на уровне какого-то первичного животного инстинкта, когда решения нужно принимать с ходу, частенько не имея времени на размышления. Я научилась понимать невысказанное, когда секундная жестикуляция и даже едва уловимое движение глаз скажут больше, чем двухчасовая болтовня за столом переговоров. Когда я работала брокером в этом самом агентстве покупки-продажи недвижимого имущества мне приходилось иметь дело с иностранцами, желающими купить дом или квартиру у моря. Одну такую парочку иностранцев, что купила домишко в деревне Оризаре под Солнечным берегом я запомнила хорошо. Фамилия у них была Мак-Свининг. Очень, кстати, символичная для парочки этой фамилия. Муж и жена Мак-Свинингов. Жена такая приятная во всех отношениях вежливая англичанка, скуластая, зубастая ходуля-Айлин. Мне она понравилась. А муженек у Айлин, Джон-Джоузеф, ирландец-коротышка в спущенных джинсах со смольными растрепанными и торчащими во все стороны волосами. Джон-Джоузеф, сколько я его видела, всегда находился в стадии алкогольного опьянения. У него опьянение было разным. Все зависело от времени суток.

Утро – легкое шафе, радость и крутой ирландский юмор. В обед Джон-Джоузеф становился беспокойным, взволнованным и взвинченным. Ну, а к вечеру ирландец скандалил с Айлин, матерился и доводил всех и вся до белого, что называется, каления. Их занесло в нашу кантору в обед, когда Джон-Джоузеф был в своей второй стадии. Они решительно вошли к нам и сказали, что им срочно нужен дом. Моя начальница сразу унюхав Джон-Джоузефа, сказала мне, что лично она заниматься парочкой не желает и у нее, кроме служебных заморочек, своих

семейных неурядиц до черта и потому, если я буду работать с ними – это мое сугубо личное дело. А если сделка пройдет, то она повысит мне комиссионные. Я решила рискнуть и перевела все это Айлин. Айлин сказала, что она сама смотрела какие-то дома в Оризаре и ей один дом понравился. И еще добавила, что никуда нам от Джона-Джоузефа не деться, поскольку, дескать, он тоже будет собственником дома на равных правах с Айлин. Здесь, конечно, следует упомянуть, что покупка недвижимости иностранными гражданами в Болгарии имеет свои особенности. Необходимо сначала открыть юридически фирму, зарегистрировать ее, подписать огромное количество всевозможных бумажек, депозировать определенную сумму денег в болгарский банк, что подтвердит наличие капитала у фирмы, а потом уже выступить в роли юридического лица в качестве покупателя недвижимого имущества. Пошли мы в банк утром, когда Джон-Джоузеф под легким шафе докопался до охранника, проверяющего всех входящих в здание банка. Мне пришлось успокаивать охранника, а Айлин Джона-Джоузефа. Пока я и Айлин стояли в очереди в кассу, чтобы депозировать деньги, Джон-Джоузеф раза три-четыре выходил «освежиться» в ближайший бар и каждое его появление в банке нервировало не только меня и Айлин, но еще охранника и всю очередь в кассу. Охранник подошел ко мне и сказал, что не знает насколько хватит его терпения и попросил нас с Айлин поторопиться. Под молящим взглядом Айлин я упростила охранника подождать пока мы внесем деньги.

В обед, во время второй стадии Джона-Джоузефа, мы поехали в Оризаре, чтобы еще раз посмотреть дом, что понравился Айлин. В Оризаре Джон-Джоузеф залез на крышу заброшенного домишки, чтобы проверить не течет ли она, и качаясь, с риском шарахнуть вниз, орал на всю деревню: «Aylin, it is ok!» Айлин по-английски спокойно отвечала: «Could we discuss it here, darling?» Такое спокойствие Айлин убедило меня, что, все-таки, Айлин принимает какие-то успокоительные таблетки или легкие наркотики в силу своих семейных обстоятельств. Пока я расписывала Айлин инфраструктуру района, Джон-Джоузеф увидел привязанного коня, и, перескочив забор какого-то унылого и нуждающегося в основном ремонте дома, побежал к коню. Тут выскочил полуголый цыган из этого дома и начал кричать, что конь бешеный и «кудааааа, мужик?» Я хотела было рвануть за Джоном-Джоузефом, думаю, все, убился! Айлин так заторможенно мне говорит: «Не переживайте так, пожалуйста.

Джон-Джоузеф бывший жокей и все у него хорошо и замечательно с конями». Я и полуголый цыган в изумлении уставились на Джона-Джоузефа и его коня. Джон-Джоузеф и бешеный цыганский конь стояли обнявшись, как будто всю жизнь друг друга искали и наконец-то нашли.

В общем, понравился им этот дом. Потом поехали в Несебр, где уже в агентстве с Айлин стали обсуждать способы оплаты и составлять предварительный договор. Джон-Джоузеф постоянно отлучался в бар. Я сказала Айлин, что если мы пойдем к нотариусу вечером, в третьей стадии ее муженька, то нас оттуда погонят как раз из-за его третьей стадии. Айлин предложила Джону-Джоузефу оформить на нее доверенность в покупке недвижимости, но Джон-Джоузеф уже был «никакущий», начались споры и скандалы с намеком на побоище.

Прибежала моя начальница и сказала, мол, давайте, в Англию валите и все это безобразие уже ни в какие рамки. Мне тоже уже насточертела вся эта ирландская свистопляска и я сказала Айлин, что «I don't give a fuck» на всю вашу сделку и мне пора домой. Айлин потащила Джона-Джоузефа на улицу и что-то долго ему втолковывала, пока я и моя начальница нервно хлебали очередной кофе и курили. Потом зашла Айлин с притихшим Джоном-Джоузефом, мы оформили доверенность и составили предварительный договор.

Приехали собственники дома. Айлин и я, оставив Джона-Джоузефа в ближайшем барчике, пошли к нотариусу для окончательного оформления сделки на недвижимость. Купили они дом, а я получила хорошие комиссионные.

Грузинские бриллианты

Они, грузинские бриллианты – серьги с английской застежкой и небольшими, но исключительно чистыми камнями в пол карата в гнездышке из платины, появились в моей жизни совсем случайно.

В девяносто четвертом году на базаре, где я продавала очки, к моему стеллажу подошла симпатичная женщина около тридцати – тридцати пяти лет, грузинка из Тбилиси с девочкой шести-семи лет. Очень хорошо их помню. У женщины были роскошные темно-каштановые волосы до плеч, гордый орлиный нос и густые, будто нарисованные гуашью, брови вразлет. По их неравномерному загару было видно, что они из отдыхающих. Грузинка сказала, что у нее какие-то большие неприятности с отъездом и ей срочно нужны деньги. Кое-что из личных вещей она продала, но ей не хватает на обратную дорогу и она продает свои бриллианты. Она сняла сережку с уха и протянула мне: «Посмотрите, они настоящие. Бриллианты моей бабушки. Я бы никогда их не продала, но нам нужно уехать». Женщина рассказала, что она уже битый час ходит по базару, но цыганам бриллианты не нужны, а у армяней наличных денег нет. Не знаю почему я купила эти серьги – то ли они мне понравились, то ли мне понравилась грузинка и ее смешливая девчужка, то ли потому, что у меня одной на базаре оказалась наличка, трудно сказать. Но, я их купила. Грузинка, снимая вторую серьгу, сказала: «Они вас выбрали и не оставят. Только вы их тоже не оставляйте, как я.»

Об этой случайной встрече, покупке и разговоре я вспомнила потом, уже в девяносто восьмом году. В 98-ом, третьего сентября.

Никогда уже не забыть мне этот день. Первого сентября 98-ого меня забрали из роддома с Настенькой. Мы все тогда жили у моих родителей. Собственной квартиры у нас не было. Мои родители работали, мой бывший муж ждал приглашения от Майка в Петропавловск-Камчатский на работу. Рано утром того дня я, муж и Настя были дома. Кто-то позвонил в дверь. Антон пошел открывать. Он крикнул из коридора, что это проверка водомеров. Я услышала из другой комнаты какие-то стуки, я спросила: «Антон, что там?» Потом начался кошмар. Двое молодых людей с капроновыми чулками на голове и еще один с открытым лицом ворвались в комнату, где была я. Настенька была в спальне у родителей. Тот, с открытым лицом держал пистолет у виска Антона. У мужа заплыл весь левый глаз и из него хлестала водопадом кровь. Другой, с чулком, набросился с ножом на меня и стал орать по-болгарски: «Говори где деньги, сука?» Я никогда не забуду как смотрел на меня на Антон. Я поняла, что он со мной прощается. Третий достал из кармана куртки клейкую ленту и перевязал нам руки. Второй с ножом продолжал орать. Антона потащили в кухню. Дальше со мной произошло что-то невероятное. Я, как будто была не я, я ничего не чувствовала. Я будто летала по квартире и смотрела на себя, на спящую Настеньку в спальне родителей, на лежащего ничком на полу Антона в кухне с перевязанными за спиной руками, на уебков и ничего не чувствовала. Я, как будто умерла и мое тело осталось в комнате. У меня только тихо стучало где-то в голове: «На-с-те-нь-ка... На-с-те-нь-ка... На-с-те-нь-ка...» Потом я сказала тому, что орал: «Перестань говорить на болгарском! Я же не слышу, что ты – русский» Он меня ударил по лицу. Мне не было больно. Я подумала, что они нас убьют. У меня только продолжало стучать На-с-те-нь-ка.

Я сказала, что деньги в диске на полке. Уебок, с открытым лицом, стал вытряхивать диски с полки. «Какой диск? “ – уже по-русски заорал он. «Род Стюарт». Он схватил деньги. Там было тысяча семьсот долларов. «Все!», – закричал он. Тот, кто меня держал, с ножом достал ленту и заклеил мне рот. Дальше они стали шарить по квартире и взяли только золото и серебро из шкапулки, что стояла в спальне родителей. Они сорвали с нас обручальные кольца. Кольцо Антона не срывалось и ему плюнули на палец, чтобы кольцо снять.

Я не буду описывать что нам пришлось пережить потом – полиция, отпечатки пальцев, скорая помощь, показания. Их не нашли. Когда уже все пришли в себя, я увидела в ушах грузинские бриллианты. Нет, у меня были очень короткие волосы тогда. Почему-то бриллианты не заметили. Права была грузинка. Они выбрали меня.

В парке

Сижу на облезлой скамейке в парке, вытянув ноги и пялюсь на распускающиеся деревья.

«Ты обещал в субботу отвезти нас к родителям», – говорит молодая женщина с обидной складкой на лбу в бежевом плаще полноватому мужчине. Женщина нервно дергает молнию. Вжик-вжик. «Ты обещал. Они ждут, ты обещал.» Он молчит и пинает правым пыльным ботинком изредка попадающиеся на асфальте сухие ветки. «Ты обещал». Молния дергается, ветки разлетаются. Пара проходит мимо меня и облезлой скамейки, нас не замечая. Настойчивое дергание «вжик-вжик» и «ты обещал» растворяются в весеннем парке.

Дедушка с французским бульдогом. Оба старенькие и одеты не по погоде. Дед в толстой куртке с мехом. Куртка обвисла в плечах. Собака в шерстяном свитере. Собака утыкается в мои вытянутые ноги и оставляет мокрое пятно на джинсах. «Буч, не приставай! Простите, он любит людей.

Он – хороший». Буч сопит и виляет лениво хвостом. Я глажу шершавый бок Буча под шерстяным свитером и говорю ему «Буч, хороший.» «Старые мы, потому тепло одеваемся», говорит дедушка «Ну все, Буч, пошли!» Я прощаюсь с дедушкой и Бучем.

«Петко¹⁰, к морю!», кричит подросток на велосипеде кому-то за деревьями «К морю!» Мне хочется быть Петко, ехать на велосипеде и кричать: «к морю!». Мне хочется, чтобы женщина со складкой на лбу поехала к своим родителям, потому что он обещал, а дедушка с Бучем стали молодыми. Я понимаю, что желаемое невозможно, но мне хочется. Я закуриваю и смотрю на распускающиеся деревья в парке. «К морю, Петко! К морю!»

¹⁰ Петко – мужское имя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.